

Литературный МОЯК

№ 9
(226)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Желтый

Слово редактору

*Любезный
читатель,
здравствуй.*

Октябрь оказался необычайно насыщен литературными событиями. 1 октября в Соколе состоялся «второй Цветаевский костёр». 3 октября - день рождения великого русского поэта Сергея Есенина. 7 октября - день рождения Лидии Тепловой. 12 октября - дни рождения Сергея Чухина и Василия Еленина. 14 октября в селе Кубенском, в Вологодской районной библиотеке и в районном краеведческом музее, состоялись Первые Чухинские чтения. С докладами на чтениях выступили ученики школ Вологодского района и города Вологды, известный исследователь истории литературы Леонид Вересов из Череповца, люди, знавшие поэта. Присутствовали на чтениях в Кубенском дочь поэта - Елена Сергеевна и его внук Сергей, прочитавший наизусть стихотворение деда. С 18 по 21 октября - Беловские чтения, собравшие писателей и читателей со всей России. 23 октября - день рождения великого русского писателя Василия Ивановича Белова. И этот же день, 23 октября - день рождения Василия Михайловича Мишенёва, прекрасного поэта, живущего в Никольске...

Если бы опубликовать вместе по несколько произведений названных здесь замечательных поэтов и прозаиков, то получился бы удивительный сборник...

Я же дам здесь сейчас стихотворение Евгения Некрасова (кстати, лично знавшего большинство из названных авторов и публиковавшего их произведения в бытность главным редактором газеты «Красный Север»).

Евгений НЕКРАСОВ

*Поредела под тополем тень.
Загустела небесная просинь.
Всё короче, прохладнее день...
Приближается новая осень...*

*Ускоряется времени ход:
с каждым годом -*

*быстрее, быстрее!
Хоть несколько не рвусь я вперёд
и о дне уходящем жалею.*

*Много ли мне отпущено дней?
Прежде вовсе об этом не думал.
А теперь всё тревожней, грустней
от спешащего времени шума.*

*О друзьях, что уже за чертой,
отвучали прощальные речи.
Ставя им поминальные свечи,
славлю Бога
за то,
что живой...*

Поминальными свечами по ушедшим друзьям догорают в октябре берёзы и осины...

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

Россия, Вологда, Белов...

В Вологде состоялись III Всероссийские Беловские чтения «Белов. Вологда. Россия», собравшие более тысячи участников из Вологодской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Архангелька, Уссурийска... Приветствие участникам чтений прозвучало даже из Японии.

Начались чтения 18 октября творческим вечером в Вологодской областной универсальной научной библиотеке известного русского писателя, ректора Литературного института им. Горького Алексея Варламова. Алексей Николаевич рассказал о своём пути в литературу, о том, что сейчас работает над книгой о В. И. Белове для серии ЖЗЛ (Жизнь замечательных людей), ответил на вопросы.

19 октября состоялась поездка на малую родину В. И. Белова в деревню Тимонию Харовского района. Среди тех, кто поехал в Тимонию, были и члены семьи Беловых - вдова писателя Ольга Сергеевна, дочь Анна Васильевна, известные современные писатели - Алексей Шорохов, Вячеслав Лютый и многие другие. Гостей радушно встретила Харовская районная библиотека. По пути от Харовска до Тимоники была представлена программа «Дорогой Белова», во время которой были показаны и рассказаны фрагменты из произведений Василия Ивановича.

Родные, близкие, почитатели творчества великого русского писателя побывали на погосте у Никольской Сохтинской церкви. Прозвучали слова молитвы, были возложены цветы.

Василий Иванович похоронен по завещанию рядом с матерью Анфисой Ивановной Беловой. Над его

могилой установлен строгий крест из черного мрамора. Годы жизни, барельеф, надпись: «Душа бессмертна».

Есть великая правда в том, что крестьянский заступник Белов нашёл упокоение на родовом кладбище. Лежит он вместе с матерью и земляками, рядом с церковью, которую сам восстановил из руин и воздвиг над ней крест, над родной речкой и Сохтинским озером, вблизи родимой Тимоники, в которую с Великой Отечественной войны не вернулся ни один мужчина...

Побывали гости и в доме Беловых, а в соседней Азле ждал их традиционный праздничный северорусский обед.

На следующий день, 20-го октября, состоялась официальное открытие Беловских чтений в областной библиотеке. С приветственными словами выступили заместитель губернатора области Олег Васильев, заместитель главы города

Александр Груздев, Ольга Сергеевна Белова, секретарь правления Союза писателей России Алексей Шорохов.

На пленарном заседании с докладами выступили Алексей Варламов, Вячеслав Лютый и др.

21-го октября работа чтений продолжалась на множестве «площадок»: различные секции читательской библиотеки и в университете, в школах города проводились встречи с писателями и «дискуссионные площадки» по произведениям Белова. В музее-квартире В. И. Белова, в школе № 41 и ВГМХА им. Верещагина проводился «читательский марафон» (чтение произведений Белова), который транслировался

на 8 интернет-каналах.

А в Центре писателя В. И. Белова (Вологда, ул. Щетинина-5) состоялся первый литературный семинар молодых авторов в рамках Беловских чтений. Около 40 молодых авторов из Вологды и районов области, произведения которых прошли предварительный отбор, собрались в «Центре Белова», чтобы услышать доброжелательный разбор своих стихотворений и рассказов от известных писателей из Вологды и Москвы (А. Шорохов).

Семинар показал, что слухи о кризисе русской литературы сильно преувеличены, его руководители - сегодняшней день русской литературы, «семинаристы» - её будущее...

Выступления участников чтений, произведения участников семинара будут публиковаться в «Литературном маяке», в других вологодских и российских изданиях.

Д. ОЛЬШУКОВ.

Сохранить дом Цветаевой в Соколе - долг памяти

стасия Ивановна Цветаева едет в Вологду и далее в Сокол, где жил с семьёй в доме на ул. Фрунзе и работал на строительстве ЦБК её сын Андрей Борисович Трухачёв. В том самом доме в конце октября появилась на свет её внучка Маргарита (имя дала Анастасия Ивановна).

Квартира была хорошая, просторная: с гостиной, с двумя отдельными комнатами, кухней; в семье сына - мир и любовь, лагерный ужас - позади (и ещё ничто не предвещало нового ареста)... Наверное, эти месяцы в посёлке под Вологдой были одними из самых счастливых в жизни Анастасии Цветаевой.

И вот в 2015 году дом найден. Он

был ещё жилой, но уже в аварийном состоянии. Сейчас жильцы выехали. Соседние, такие же старые дома предназначены к сносу. «Дом Цветаевой» - зарегистрирован как объект культурного наследия регионального значения, но скромная табличка о том, что в доме жила А. И. Цветаева и плакаты, предупреждающие об ответственности за разрушение памятника культуры - слабая защита от вандалов. Что ждёт этот дом? Уничтожение (нам ли, вологжанам, не знать, как легко горят деревянные памятники)? Или спасение? - организация в квартире музея Цветаевых (а в других помещениях могли разместиться музей советского быта и истории Сухонского ЦБК).

Мы надеемся на лучшее. И как знак надежды загорается над Сухонной второй Цветаевский костёр, звучат бессмертные стихи. Звучит письмо Ольги Андреевны Трухачёвой, которая не смогла в этом году приехать в Сокол: «Дорогие друзья, вы во второй раз зажигаете огонь памяти! Вот теперь это понастоящему становится традицией. Спасибо вам большое! Спасибо за помощь в сохранении дома в Печаткино. Это очень трудное и великое дело. Всего вам доброго! Удачно во всём! Ольга Трухачёва».

Сохранить «дом Цветаевой» в Соколе - наш долг... Не случайно же нам дана память...

Соб. инф.

... В пятом часу хмурого утра я вышел на перрон Вологодского вокзала к поезду «Москва - Архангельск». И первый вагон его был с зарешеченными окнами, на подножке стоял офицер или прапорщик, в сумерках не разглядишь... Видел же и раньше я это не раз, но почему-то именно сейчас задело. Годы, десятилетия везут и везут зарешеченные вагоны людей в северном направлении... Сотни, тысячи, сотни тысяч людей... «Кому озеро Лача, а мне море плача!», - вспомнился аж Даниил Заточник. Да ведь и человека, «в гости» к которому еду, тоже везли из Вологодской пересылки в Архангельскую скорее всего этим же поездом в подобном же вагоне, не просто же это слова: «Я вошел вместо дикого зверя в клетку...»

И все три часа до Коноши я дремал и думал сквозь дрему, и о людях в первом вагоне (да, они преступники, но они - люди), и о поэте...

На вокзале Коноши меня встречает Надежда Ильинична Гневашева, сотрудница Коношской районной библиотеки. И пока мы идём над путями и составами по мосту-путепроводу, самое время объяснить читателю, что я делал в Коноше...

Общественная организация «Открытая библиотека» пригласила меня пожить в «арт-резиденции» «Норинская: добровольная ссылка». («Арт-резиденцию» я бы назвал «творческой дачей»). Честно сказать - не много я знал до этой поездки и о Коноше, и о Норинской... Коноша - станционный посёлок, довольно крупный, «столица» района Архангельской области. Норинская - деревня в 23 километрах от Коноши, в которой с апреля 1964 года по октябрь 1965 года отбывал ссылку поэт-«тунейдец», будущий Нобелевский лауреат Иосиф Бродский...

Мы уже идём по улице посёлка, по сторонам обычные двухэтажные барачного типа дома и новые кирпичные. Обычный железнодорожный посёлок, возникший при строительстве Северной железной дороги в самом конце 19 века. И как у каждого обычного посёлка или человека, у Коноши своя судьба и своя история, делающие его интересным и ни на кого не похожим.

То и дело попадают дома так или иначе связанные с Бродским: здание суда, в котором его судили и дали 15 суток то ли за отказ от работы, то ли за опоздание из отпуска; милиция, в которой отмечался периодически, как положено ссылке; здание библиотеки, в которую был записан; редакция газеты, в которой публиковались его стихи... Деревянный дом (напоминающий мне дом, в котором я жил в Вологде в детстве) - бывший комбинат бытового обслуживания, в котором Бродский уже в конце своей ссылки работал фотографом, а сейчас в этом бывшем комбинате из всех услуг предлагают лишь могильные памятники (уж простите за невольный мрачный юмор). Невольно напрашивается символизм - производства когда-то бывшие и процветавшие в Коноше - умерли или умирают, остались лишь железная дорожка-кормилица, да, может, ещё что-то. Молодёжь, конечно же уезжает по окончании школы в Питер, Москву, Архангельск, Вологду... Пусть бы она уезжала - было бы к чему вернуться...

Впрочем, сейчас я пытаюсь коротко рассказать о том, что узнал из семи (!) экскурсий, именно столько их по условиям договора провели для меня... Поэтому я остановлюсь здесь и лишь скажу спасибо сотрудникам районного музея, районной библиотеки, дома-музея Бродского, всем, кто так тепло принимали меня...

О Коноше можно написать не очерк, а целую книгу, что и делают местные писатели-краеведы; о деревне Норинской (она же Норенская) - тоже, пребывание в ней Бродского лишь эпизод (но яркий) в её многовековой истории. Ну а уж о Бродском в Норинской, о Бродском в Коноше и, вообще, о Бродском написаны уже десятки книг... За подробностями к книгам и отсылаю, а

сам продолжаю рассказ о том, что я успел увидеть, узнать, понять...

Барачного типа двухэтажный дом, у крыльца - Бродский во весь рост и скамейка с надписью: «Северный край, укрой...»

Библиотека имени Иосифа Бродского. Снаружи она неказиста, а внутри особенно в том «пространстве», что касается Бродского - всё современное, стильное... Тут увидел я впервые книжку Владимира Бондаренко из серии ЖЗЛ «Иосиф Бродский - русский поэт» (позже в Норинской я успел прочитать и эту книгу, и ещё несколько)... Книги, портреты, электронные страницы - вся жизнь

хотворение Бродского. Вот что писал он, прожив уже год с лишним в деревне...

ТРАКТОРЫ НА РАССВЕТЕ

*Тракторы просыпаются с петухами,
Петухи просыпаются с тракторами,
Вместе с двигателями и лемехами,
Тишину раскалывая топорами,
И в тумане утреннем по колено,
Рокоча, выстраиваются*

вдоль фронта.

*Тишина разваливается, как полено,
По обе стороны горизонта.
Затопляются печи.*

Дым вьется прямо.

*Птицы склоняются над птенцами.
Лес, как гигантская пирамида,*

подвиг... И ещё зал, посвящённый лётчикам, погибшим неподалёку от Коноши - во время войны перегоняли самолет «Ил», потерпели крушение... Вспомнил, что и наш земляк - легендарный ас Александр Клубов - погиб не в бою, а при аварии. А на экране, «самолет Победы» - и его конструктор С. В. Ильюшин. Также наш. Ещё - зацепка...

И вот мы едем в Норинскую... Машина бодро бежит по асфальтовой дороге по краям которой, как и у нас под Вологодой - болота да лес... Правда, под Вологодой поля, в основном, обрабатываются (если не заглядывать чуть дальше от большой

ский, Чуковский и т. д. Решающими для освобождения Бродского стали, видимо, выступления в его защиту иностранных знаменитостей: Сартра, Арагона, Неруды... Но это было через полтора года. А весной 1964-го он ещё ничего не знал о досрочном освобождении и ехал на все пять лет, по этапу, через Вологодскую и Архангельскую пересылки...

В апреле он появляется в Коноше, устраивается (по совету начальника милиции: «Найдите спокойное место на это время...») рабочим в совхоз «Даниловский» и поселяется в деревне Норинской - отделении

Дмитрий ЕРМАКОВ

Норинская ссылка

Дом-музей И. Бродского в д. Норинской

поэта, и особенно полтора года его жизни в Коноше и Норинской сконцентрирована здесь на 20 квадратных метрах... Здесь побывали все ныне живые друзья Бродского, все исследователи его творчества...

А я не друг, и не исследователь... И зная, что кто-нибудь да скажет: «От Рубцова-то да к Бродскому» (и сказали!), я, не раздумывая долго, собрался и поехал... Даже зная, что и многие друзья - не скажут, но подумают... Поехал. Потому что помню, как в армии, в 1987 году впервые увидел статью с названием «Я всегда ощущал себя свободным...» и имя Бродского (в том году ему Нобелевку дали). Не помню, что там было в статье, но те слова про свободу (услышанные в армейской неслвободе), они с тех пор всегда со мной, и я могу повторить: «Я всегда ощущаю себя свободным...» Потом уже, позже, попала в руки книга «Бог сохраняет всё...», и я понял, что в целом - нет, не близок. Но... И сейчас когда читаю строчки: «...бросил страну, что меня вскормила, из забывших меня можно составить город...» - мурашки бегут по спине. Не дай Бог никому такого одиночества! А ему Бог дал... И дальше шепчу же: «... что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной. Только с горем я чувствую солидарность. Но пока мне рот не забили глиной, из него раздаваться будет лишь благодарность». Воистину: «Бог сохраняет всё, особенно слова прощенья и любви...»

Но мы с Надеждой Ильиничной снова идём по улицам мимо тех же домов... Вот сюда, редактору районной газеты «Призыв», он принёс стихотворение «Тракторы на рассвете», и оно было напечатано, а затем и ещё одно - «Осеннее». Взяла на себя такую смелость редактор газеты С. И. Ерёмина - дать слово административно высланному, стихи которого то и дело звучат в передачах западных радиостанций. И это были первые «взрослые» публикации Бродского в СССР, до того были лишь детские стихи в журнале «Костёр».

Ну, пусть здесь и будет это сти-

*Облака раскраивает зубцами.
И всходит солнце, и смотрит слепо,
И лучами сонные избы косит.
И тракторы возносятся,*

как птицы, в небо

*И плугами к солнцу поля возносятся.
Это рабочее утро, утро Народа!
Трудовое утро с улыбкой древней.
Как в великую реку,*

глядят на людей Природа

И встает, отражаясь,

от сна с древней.

Август 1965.

Это лишь одно из сотни с лишним написанных за полтора года ссылки стихотворений. Может я не прав, но, по-моему, именно ссылка сделала его истинным поэтом. Причём, соглашусь с В. Бондаренко - русским поэтом.

Мы пришли в Коношскую среднюю школу, где встречались сразу с двумя одинаковыми классами... Прекрасные молодые лица... Я не помню, что я говорил (каждый раз на таких встречах я говорю о том, что беспокоит меня именно в этот момент), но внимательные глаза я видел. Что бы мы ни говорили о молодёжи - за ней всегда будущее. И я верю, что, да-да, именно светлое будущее. Светлое, как души и лица этих юношей и девушек... Говорил, конечно, и о Бродском...

...Мы уже в Коношском краеведческом музее. Надо сказать, что Коноша, как и Вельск - были землями Вологодской губернии, они и сегодня тяготеют к Вологде... В романе В. И. Белова приводятся документы крестьян Кадниковского уезда из нынешнего Коношского района (велик был Кадниковский уезд Вологодской губернии!). И где-то ведь здесь близ Коноши погиб на строительстве Северной железной дороги дед Василия Ивановича Белова... Мир тесен, мы, люди, гораздо ближе друг к другу, чем нам иногда кажется, то и дело, как крючочки, цепляя душу знакомые имена, фамилии, названия... Первый зал музея - железная дорога. Второй зал - Великая Отечественная... Сотни солдатских писем-треугольников, оцифрованных сотрудниками музея - их

дороги), под Коношей - зарастают дурнолесьем и борщевиком. Проскакиваем пустынные «дачные» деревеньки...

И всё же «Норинская» или «Норенская»? Повсеместно - на стендах, в буклетах и книжках я вижу то одно, то другое написание. Вот переезжаем речку Норешку (значит - Норенская). Но на щите-указателе чётко написано - Норинская. Надежда Ильинична поясняет, что совсем недавно официально деревня называлась Норенская, но теперь ей вернули первоначальное (первоначальное ли? - уже сомневаюсь) название. Для себя я развеял сомнения, увидев фотографию в доме-музее: Бродский с одним из своих многочисленных ленинградских гостей у указателя, на котором название деревни написано через «И». Он жил в Норинской, и я буду жить в Норинской. А вот Владимир Бондаренко в своей книге остановился на Норенской...

В деревне, в которой сейчас не более десятка домов, пустующих большую часть года - два дома, в которых жил Бродский. Один из них ныне дом-музей. Его директор Ольга Александровна Терёхина - дочь того смелого редактора районной газеты С. И. Ерёминой. Она и Бродского в детстве видывала.

Сначала экскурсии по музею районного музея показывают мне музей деревни Норинской... А ведь это очень здорово - «Музей деревни», не лубочный, а показывающий истинную жизнь настоящей деревни... И опять лишь скажу, что о Норинской и всей Кремлевской волости, к которой она принадлежала, можно написать отдельную книгу... И вот идём к дому-музею Бродского. Дорога Коноша - Вельск проходит прямо через деревню, и надо быть осторожными, водители не слишком-то скидывают скорость в обычно пустой деревне. Идём мимо первого дома, в котором жил Иосиф - это столетний огромный крестьянский домик, сейчас один из гостевых домов (я жил в другом, меньшем по размеру). А вот и дом-музей. Здесь опять всё рассказывает о Бродском, воссоздана его комната: стол с письменной машинкой, стул, диван, кровать, приёмник...

Здесь остановлюсь и не буду рассказывать (об этом можно прочитать в интернете и в книгах), а порассуждаю о его ссылке, о нём...

Он был осужден по «Указу о тунейдстве» весной 1964 года. Дело было полностью сфабриковано (главный «фабрикатор» этого дела некий Я. Лернер позже был осуждён за мошенничество). Дали максимум по тому указу - пять лет ссылки. В одиночной камере во время предварительного следствия («я впустил в свои сны воронёный зрачок конвоя») случился первый инфаркт (в 24-то года). А всего за его жизнь было четыре инфаркта («дважды тонул, трижды бывал распорот...»). Почти сразу же стенограмма суда над ним оказалась на Западе. За него вступились (письмами в ЦК!): Ахматова, Твардовский, Паустов-

совхоза. Совхоз занимался откормом телят. На телятнике он и работал: корм задавал, выгребал навоз, пас. Поработал и на севе, на уборке с полей камней...

Ну, какой из него работник: отправили заготавливать колья - в кровль стёр руки, отправили пасти телят - разбежались, вместо обеда - чёрствые пряники из сельповского магазина в карманах...

Над ним посмеивались, его поругивали, но его и жалели, и даже любил этого рыжего Оську-тунейдца (кажется, гораздо добрее к нему относились, чем к Рубцову в деревне, о которой тот сказал: «Здесь родина моей души»). Ему прощало даже такое: бригадир отправляет его рубить колья, а он достаёт из кармана трёшник: «Найми кого-нибудь, я этого делать не умею». Рубцов за тот трёшник и пошёл бы колья рубить, наверное, хотя думается мне, что с топором не лучше Бродского умел обращаться. Кстати, летом того же 1964-го Рубцов сидел в своей Николе «без копыя», но писал стихи, и страдал от того, что писание стихов там никто не считал за работу... Впрочем, о параллели: «Бродский - Рубцов» чуть позже.

После расконвоирования всё это: жизнь в деревне, работу в совхозе - можно было бы воспринимать как весёлое приключение. За полтора года он четыре раза ездил в отпуск в Ленинград. Почти постоянно у него в деревне жил кто-то из друзей, приезжали в гости отец, мать, любимая женщина. Каждую неделю он получал посылку или перевод, да ведь ещё и зарплату платили. А в свободное время, которого, как сам он признавался, было много - писал стихи, переводил... Да это же курорт! Отдых на творческой даче!

Да ведь не по своей воле на курорт-то попал...

И время на «курорте» не терял, написал более ста стихотворений и среди них такие, как «Мой народ», «В деревне Бог живёт не по углам...»

Впрочем, сам он очень не любил, когда драматизировали эти события, когда его представляли «диссидентом», страдальцем и т. д.

Вот что сам говорил и писал о том времени, о тех людях: «В целом, это было очень плодотворное время, я много писал... Были строки, которые я вспоминаю, как некий поэтический прорыв». В другом интервью: «Если у меня и появилось ощущение природы, то это именно тогда». Ещё: «Деревня дала мне нечто, за что я всегда буду благодарен КГБ... Для меня это был огромный опыт, который в какой-то мере спас меня от судьбы городского парня». И ещё: «Мне гораздо легче было общаться с населением этой деревни, нежели с большинством своих друзей и знакомых в родном городе». Ещё: «Это был один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше - пожалуй, не было».

Это лишь некоторые его высказывания. Главное, конечно, в стихах. Тут самое время дать полностью знаменитое стихотворение...

МОЙ НАРОД

Мой народ, не склонивший
своей головы,
Мой народ, сохранивший
повадку травы:
В смертный час зажимающий
зёрна в горсти,
Сохранивший способность
на северном камне расти.

Мой народ, терпеливый
и добрый народ,
Пьющий, песни орущий, вперёд
Устремлённый, встающий -
огромен и прост -
Выше звёзд: в человеческий рост!

Мой народ, возвышающий
лучших сынов,
Осуждающий сам
проходимцев своих и лгунов,
Хоронящий в себе свои муки -
и твёрдый в бою,
Говорящий бесстрашно
великую правду свою.

Мой народ,
не просивший даров у небес,
Мой народ,
ни минуты не мыслящий без
Созиданья, труда,
говорящий со всеми, как друг,
И чего б ни достиг,
без гордыни глядящий вокруг.

Мой народ! Да, я счастлив
уж тем, что твой сын!
Никогда на меня не посмотришь
ты взглядом косым.
Ты заглушишь меня,
если песня моя не честна.
Но услышишь её,
если искренней будет она.

Не обманешь народ.
Доброта - не доверчивость. Рот,
Говорящий неправду,
ладонью закроет народ,
И такого на свете
нигде не найти языка,
Чтобы смог говорящий
взглянуть на народ свысока.

Путь певца - это родиной
выбранный путь,
И куда ни взгляни - можно только
к народу свернуть,
Раствориться, как капля,
в бессчётных людских голосах,
Затеряться листком
в неумолчных шумящих лесах.

Пусть возносит народ -
а других я не знаю судей,
Словно высохший куст, -
самомнение отдельных людей.
Лишь народ может дать высоту,
путеводную нить,
Ибо не с чем свой рост
на отшибе от леса сравнить.

Припадаю к народу.
Припадаю к великой реке.
Пью великую речь,
растворяюсь в её языке.
Припадаю к реке,
бесконечно текущей вдоль глаз
Сквозь века, прямо в нас,
мимо нас, дальше нас.

А вот теперь я скажу о Рубцове.
Николай Рубцов и был той самой
«рекой», к которой «припадал» Иосиф
Бродский, тем самым «народом».

В их судьбах много общего, много пересечений. По окончании седьмого класса Рубцов едет поступать в мореходку, его не принимают. Бродский после седьмого тоже пробует поступить в мореходку (на подводника), и его тоже не принимают. Рубцов поступает в «лесной техникум», вскоре бросает его, едет в Архангельск, начинаются его скитания по северу. Бродский идёт в восьмой класс, бросает его - начинаются его скитания, смена мест работы, поездки в геологические экспедиции, в том числе и в Архангельскую область... Бродский так больше нигде и не учился официально (но преподавал потом в американском университете); Рубцов, закончив вечернюю школу уже после службы на флоте, поступил и с трудом (с постоянной угрозой отчисления, с переводом на «заочку») окончил Литературный институт.

Бродский после школы работал фрезеровщиком, кочегаром, матросом на маяке, прозектором в морге,

работавшим в экспедициях. Ну и конечно, главное - он писал стихи. Думается, что в Норинской он несколько «играл роль», бравировал своим тунейством, не верю я, что он, имея опыт работы в экспедициях, не умел пользоваться топором, например...

Рубцов был помощником кочегара на траулере, работал на заводе под Ленинградом, служил срочную на Северном флоте, затем работал на Кировском заводе в Ленинграде. В это-то время и пересекались их пути. Конечно, они были очень разные - коренной ленинградец, сын морского офицера, эстет и западник Бродский и рабочий с Кировского, детдомовец Рубцов. Но оба заметили друг друга на одном из поэтических вечеров. И хотя Рубцов несколько иронически отзывается в письме другу о выступлении Бродского, но зачем-то же записал его номер телефона в свой блокнот...

Рубцов, уже взрослым, часто бывал в Череповце, где жила его старшая сестра Галина. Бродский был в Череповце с матерью и бабушкой в эвакуации в 1942-1944 годах, т. е. в 2-4 года. Именно в Череповце его крестила его няня Груня. Это, между прочим, ответ тем, кто всё твердит о еврействе Бродского. Да, по крови - еврей, по вере - христианин («нет ни эллина, ни иудея во Христе Иисусе»), по судьбе - русский поэт. Сам Бродский писал: «Когда я работал на заводе, даже когда сидел в тюрьме, я удивительно мало сталкивался с антисемитизмом. Сильнее всего антисемитизм проявлялся у литераторов, интеллектуалов. Вот где к национальной действительности относятся болезненно...» Это ли не ответ всем, кто говорят, что чуть ли не всякий русский мужик - сти-

сал когда-то отчаянные «частушечные» строчки: «Наше дело правое, наши карты козыри, наша смерть, наверное, на Телецком озере!» А погуб в вологодской квартире... Так что ж?.. Велика тайна смерти, и не надо бы лезть в эту тайну с земными нашими мерками, с желанием и тут-то задеть, принизить...

Многие вспоминают, что Рубцов иногда не стеснялся называть сам себя гением... О Бродском вспоминала почталёвон в Норинской: «Пришёл на почту да вдруг и говорит: «Я вам не просто так, вы обо мне ещё услышите!» - «Кто о тебе, тунейце, услышит», - думала в ответ почталёвонка. Рубцов, не поступи он в литинститут, не имей потом корочки члена Союза, тоже ведь вполне мог попасть под тот «указ о тунействе»...

хийный антисемит и «погромщик».

Много параллелей и в их поэзии (особенно если брать деревенский период Бродского). Но... Невозможно представить Рубцова эмигрантом... Это не в осуждение Бродскому: выбор у него был небольшой - «горячие дни» (это мог быть и арест, и помещение в психушку, где он уже бывал), обещанные сотрудниками КГБ, или отъезд на Запад... У кого повернётся язык осудить? «Расстаёмся навеки с тобой, дружок, нарисуй на бумаге простой кружок, это буду я - ничего внутри... Посмотри на меня и потом сотри». Чтобы написать такие строчки, что же надо пережить... В 1972 году уехать в Америку - это даже страшнее, чем умереть. Жив, а уже никогда не увидишь всё и всех, кого оставляешь. Его родителей так и не выпустили к нему ни разу...

Впрочем, Рубцов к тому времени уже умер... Слышал ли Бродский о его смерти в 1971 году. Наверное. Друзей-приятелей у Рубцова в Ленинграде оставалось много, они же были и знакомыми Бродского...

Вот ещё говорят, мол, Рубцов написал «Я умру в крещенские морозы», так и вышло - значит, он истинный поэт. А вот Бродский сказал: «На Васильевский остров я приду умирать», а умер в Нью-Йорке, поэтому - какой же он поэт... А мне, кажется, что это, мягко говоря, нечестно упрекать человека, что он умер там, где он умер. Откуда знать нам, куда летит душа, покидая тело?.. Николай Михайлович, между прочим, напи-

просто создавался музей, как появилась идея арт-резиденции «Норинская: добровольная ссылка».

Как это обычно бывает - энтузиасты своей неугомонностью пробили чиновничий панцирь, сумели заинтересовать губернатора области, и дом, находившийся уже почти в руинированном состоянии, восстановили, и появился музей, и получен грант на «арт-резиденцию». Теперь уже можно не сомневаться - дом-музей будет жить и развиваться, в Норинскую уже едут люди со всей России и из-за границы и будут ехать ещё и ещё... А ведь могло всего этого и не случиться...

Была в этот день и копка картошки (Бродский, уезжая, обещал хозяйке вернуться и помочь выкопать картошку, но, конечно, не вернулся, и вот участники фестиваля выполняют его обещание). Была и печеная картошка. Были и стихи: соревнование в чтении стихов Бродского и собственных между командами из местных школ и литобъединений. Был обед от Мальцевых для всех участников фестиваля с рыжиками, груздями, картошкой и смородиновым чаем и ещё чем-то очень вкусным, деревенским...

А потом был насыщенный мероприятия вечер в Коноше (моим «сопровожающим» вновь была Надежда Ильинична Гневашева).

В Коноше в детской библиотеке меня ждала выставка рисунков коношских ребят - участников конкурса журнала «Костёр», посвященного 80-летию журнала (напомню - в нём состоялись самые первые официальные публикации Бродского). Потом, в уже знакомой районной библиотеке, состоялось открытие выставки художника Александра Дудорова (первого «резидента» «Норинской ссылки»), местного уроженца, давно живущего в Санкт-Петербурге, участника выставок аж в Нью-Йорке. Ну и уж, как говорится «на верховьютку» - спектакль Петербургского театра оперетты в доме культуры. Столь тесное культурное сотрудничество Коноши и Санкт-Петербурга стало возможным тоже благодаря имени Бродского, конечно же...

В сумерках, под непрекращающимся дождем привезли меня в Норинскую. Мигнули фары, я остался один. Печка была тёплая, ужин на столе... Тут же книги и блокнот... Быть одному в деревенском доме,

слышать абсолютную древнюю тишину, видеть крошечную тьму за окошком - это, согласитесь, хорошо. По дороге пролетела, осветив окно моей избушки, машина, и я снова взялся (скажу «высоким штилем») за перо... И, честное слово, я старался, чтобы путь от сердца до кончика пера был как можно короче...

И утром я был один... Я не торопясь позавтракал, обулся в привезённые для меня заботливыми Мальцевыми резиновые сапоги, накинул фуфайку и пошёл к недалёкому роднику (дорогу мне вчера указали). С большака свернул на тропу. Тут заброшенная силосная яма - свидетельство былой совхозной жизни, тут где-то был и телятник, в котором совершал свои «трудолюбивые подвиги» Иосиф Бродский... Под сочной переспелые маслята, кустовые заросли... Тропка скользит под ногами и выводит меня к роднику, дающему начало ручью, который, наверняка, впадает в одну из речек бассейна Северной Двины (где-то неподалёку от Коноши берёт начала и Кубена), и значит, я опять на родном берегу - из ручья в речку, из речки в реку я мог бы добраться и до родной Вологды и, например, до рубцовской Николы...

Я пью чистой родниковую воду... Возвращаюсь в деревню и иду по дороге к кладбищу. По краям этой дороги есть старые дома, даже старинные - высокие, тёмные, с закрытыми ставнями окнами, с упавшими дворами... Останки великой Русской цивилизации, к которой успел прикоснуться Иосиф Бродский.

Кладбище на холме, между сосен - могилы, кресты и памятники. Здесь застает меня дождик, и я стою под сосной и читаю фамилии, в основном, уже знакомые по рассказам экскурсоводов и подписям к старым фотографиям: Ждановы, Богачёвы, Пестерева... Хозяева обоих домов, в которых жил Бродский были как раз Пестерева... По каким краям разметало потомков, этих людей, упокоившихся на родном холме?... Да, Норинская, благодаря имени Бродского (как, например, Тимониха благодаря имени Белова), будет жить дачно-музейной жизнью... А десятки, сотни, тысячи других русских деревень?..

Я вернулся в дом, и здесь встретили меня Анатолий и Елена... Я вот думаю: легко сказать - «гостевой дом», а сколько труда и забот в этот дом вложить надо (так что, пожелаю-ка я вам, дорогие Мальцевы, терпения и удачи).

И совсем уже сказочное продолжение дня - Анатолий берёт свою двухстволку, и мы идём к недалёкому лабузу, туда, где на окрайке леса и луга посеяна полоса овса. И следы кабаны и медведи там есть... Жаль, что я не охотник (а может, и хорошо это).

Вечером меня ещё ведут в гости. Оказывается, не один я ночевал в этой деревне, на другом её конце в старом и крепком доме живёт Валентина Васильевна. Одна. Дети и внуки приезжают, конечно. Блины у неё - ох вкусно! «А я днём гляжу - мужчина по деревне ходит...»

Да, было дело - ходил я по деревне Норинской...

...Последняя ночь и утро пролетели быстро. В десять под окном проиграла чёрная «Волга» (былая роскошь) районной администрации, и немногословный серьёзный водитель, между прочим, когда-то работавший в том же самом совхозе, что и Бродский, отвёз меня на вокзал Коноши.

Поезд на этот раз был мурманский, и он уже подошёл к платформе, когда вдруг появился Анатолий и Елена. И подарили мне пакетик, а в нём - баночка рыжиков и баночка земляничного варенья. Последний привёз мне из Норинской.

Я ехал в поезде, смотрел в окно и думал о том, что «северный край укрыл» многих, не только Бродского... Здесь и сегодня живёт мой народ, «в смертный час зажимающий зёрна в горсти...»

Вологда - Коноша - Норинская - Вологда. Сентябрь-октябрь 2016 года.

**О том, как непросто до-
ходили до читателя некото-
рые произведения В. И. Бе-
лова, рассказал в своём до-
кладе на Беловских чтениях
исследователь из Череповца
Леонид Вересов. Мы, с по-
зволения автора, предлагаем
читателям этот доклад в
сокращении.**

Книга Василия Белова «Плотницкие рассказы» была опубликована в Северо-Западном книжном издательстве в 1968 году.

Рукопись книги была сдана в набор 24.10.1968 года, подписана к печати 20.11.1968 года. Таким образом, к читателям книга попала только в 1969 году. Объём книги 8,2 печатных листа, тираж 30000 экземпляров. Редактором была В. К. Лиханова, оформление - художника Б. И. Шабаева. Книга была напечатана в Вологде, в областной типографии. Естественно, новая книга, знаменитого уже тогда писателя, быстро разошлась, её с удовольствием покупали и читали. Рассказы о вологодской деревне и её людях были полны боли и горечи, неповторимого деревенского юмора, сострадания и умиления, характеры, выписанные в книге, были узнаваемы, язык прост и велик одновременно...

Но вокруг книги началась идеологическая возня. Даже не знаю, были в курсе всех её перипетий сам писатель, но, видимо, эти «страсти» по «Плотницким рассказам» и ему попортили немало крови. А начиналось все как обычно. В. И. Белов, автор уже нескольких книг в Северо-Западном книжном издательстве, по установленным правилам подал заявку на новую книгу заранее, не позднее конца 1966 - начала 1967 года. Рукопись, по заведённой традиции, была одобрена Вологодской писательской организацией. Большинство рассказов из книги «Плотницкие рассказы» до её публикации уже печатались в разных газетах и журналах. Видимо, только повесть «Плотницкие рассказы», которая и дала название книге, нуждалась в работе автора. Белов ставит дату окончания работы над повестью в книге - 1968 год. Таким образом, это произведение ещё не прошло круги советской цензуры и редактирования.

С этим-то произведением и получилась идеологическая заминка, из-за него и оправдывалось перед Москвой Архангельское издательство. В Архангельском государственном областном архиве сохранилось ряд занимательных документов на эту тему. Но явно не хватает документальной реакции самого Василия Белова на события вокруг его книги.

В. И. Белова вынуждали дорабатывать книгу (практически повесть «Плотницкие рассказы»), убирать особо острые фразы и оценки. Однако автор был неуступчив и, удаляя кое-что конкретное из своего текста (иначе повесть просто бы запретились печатать), общую негативную оценку Сталина, руководства страны, коллективизации, безрадостной жизни жителей деревни он оставляет в диалогах и рассказах своих героев.

Впервые повесть была напечатана в журнале «Новый мир» № 7 за 1968 год, и, возможно, после этой публикации у Росглавиздата и возникли вопросы об отражении в ней вопросов коллективизации.

Старший редактор СЗКИ Вера Константиновна Лиханова в процессе подготовки книги пишет В. И. Белову: «Очень хорошо, что работа по дошлифовке «Плотницких рассказов» Вами уже проделана». Это говорит о том, что рукопись Белову отправлялась на доработку. Вернее всего, это произошло после получения издательством рецензии на рукопись книги от Виктора Андреевича Чалмаева, заместителя главного редактора журнала «Наш современник», члена правления Союза писателей РСФСР. Надо сказать, что Виктор Чалмаев

эту рецензию написал по просьбе Северо-Западного книжного издательства. Вся целиком рецензия отсутствует в Архангельском архиве, но некоторые её принципиальные моменты можно процитировать из других источников. «На двух страницах изложен фактически узловый момент коллективизации (с появлением Сталинской статьи «Головокружение от успехов») и изложен, конечно, упрощённо, бегло. Если бы автор затем как-то пояснил суждения героя, дополнил, внёс всестороннюю ясность в этот вопрос... Этого нет, а по-

степенной силе эти характеры, сама повесть после публикации станут новой яркой страницей русской современной прозы...».

А вот ещё отрывок из записки В. Лихановой: «... Называя В. Белова фигурой первооткрывательской в отражении вологодской деревни в художественной прозе, В. Чалмаев рекомендовал в своей рецензии издательству занять по отношению к этому автору «доброжелательную и взыскательную позицию, чуждую всякой подозрительности и безосновательной робости». Этой позиции я и старалась

говорить. Что уж говорить о книгах и газетах. Там на эту тему надо было выверять каждое слово и наряду с негативом давать и положительные примеры, доказывая, что не всё так плохо было в СССР и тогда. А у Белова талантливая правда резала глаза на некоторых страницах и взывала к справедливости.

И книга, уже поступившая в продажу, подверглась жёсткой критике. Прежде всего, досталось руководителям Северо-Западного книжного издательства. 20 января 1969 года в адрес Северо-Западного книжного издательства от зам. начальни-

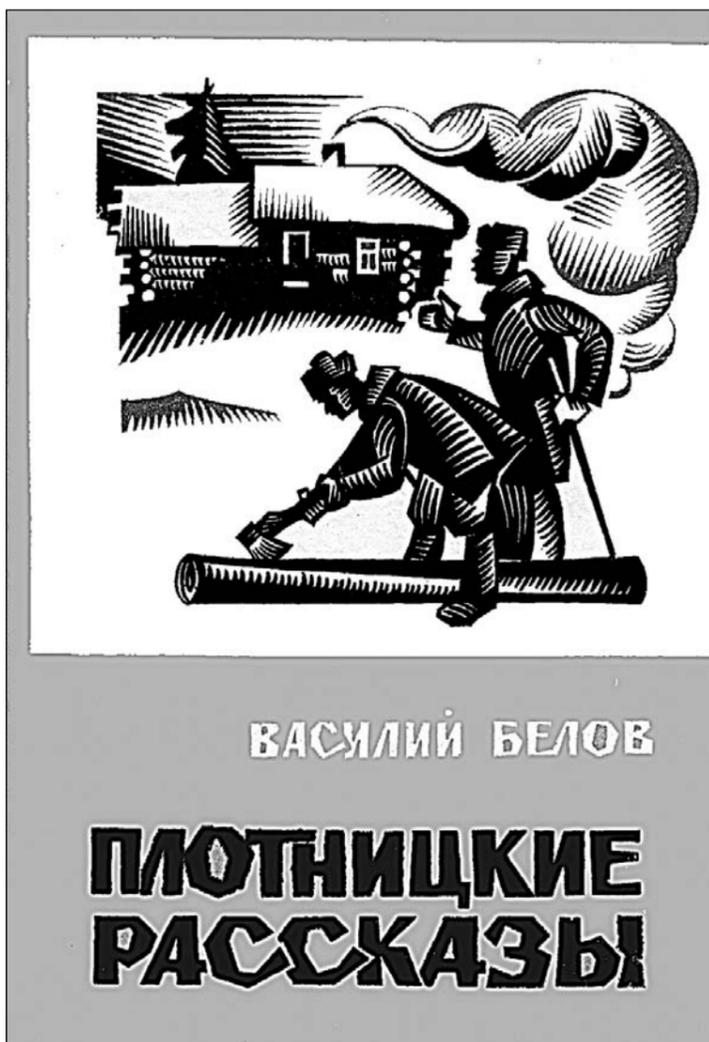
хоте, проявившейся при редакции книги, свидетельствует и тот факт, что редактор издательства не разглядела неверных акцентов и чрезмерного сгущения чёрных красок в рассказе «Скакал казак», который мы сочли необходимым исключить из книги».

Издательство получило предупреждение о непрофессионализме и политической близорукости и вынуждено было защищаться. С письмом в Росглавиздат обратился сам директор Борис Семёнович Пономарёв. Он, конечно, защищает своего старшего редак-

Леонид ВЕРЕСОВ

Страсти по «Плотницким рассказам»

(Архивная история из 60-х годов 20 века)

ка Росглавиздата В. Казакова, пришло уведомление с приложением о том, что им направлены замечания о редакции книги В. Белова «Плотницкие рассказы». Их предлагалось обсудить в коллективе издательства, о принятых мерах сообщить. Это была строгая бумага, после которой многие руководящие работники СЗКИ...

В издательстве, конечно, не ожидали такого разгона уже выпущенной книги. Что же инкриминировалось Архангельскому издательству, вернее, его редакторам, начальством из Москвы? То, что они плохо прочитали и не выполнили рекомендации рецензента В. Чалмаева и потому допустили грубую идеологическую ошибку, позволив автору такое искажённое освещение вопросов коллективизации. Подобное уже было с книгой К. Коничева «Так было», выпущенной в 1964 году СЗКИ. Картина коллективизации была признана в ней «искажённой, исторически ложной». Книга Белова, по мысли автора замечаний, «также, к сожалению, не свободна от подобного рода ошибок... В ней сделаны неверные оценки, дана односторонняя, путанная трактовка событий коллективизации... Коллективизация описана поверхностно, упрощённо, с точки зрения обиженного человека. Совершенно прав рецензент В. Чалмаев, утверждающий, что автор не поясняет эти субъективные суждения своего героя, не вносит ясности в сложный вопрос и остаётся на уровне «бытового осмысления истории». Почему же ни редактор книги В. К. Лиханова, ни главный редактор издательства Т. Н. Трескина не прислушались к прямому и ясному совету рецензента - не писать столь бегло, торопливо, в спешке о сложных процессах тех лет, тем более, что автор не даёт верной и полной их картины. Справедливости ради надо сказать, что из рукописи были сняты по совету нашего рецензента фразы «Сталин колхозниками распоряжался, как спичками», «а Сталин и тут вывернулся», но дальше этих механических сокращений дело не пошло. Приходится пожалеть, что редактор не помог автору обогатить воспоминания своего героя рассказом об этих хороших людях, истинных творцах великого, прогрессивного движения по социалистическому преобразованию деревни. Тогда картина этого движения была бы более полной и всесторонней, а Олёша Смолен стал бы выразителем народной совести, объективным судьёй событий. Об идеологической гу-

тора в записке в Комитет по печати при Совете Министров РСФСР «При редактировании рукописи В. Белова, автора несговорчивого и неуступчивого, В. К. Лиханова, в основном учёта замечаний и советы рецензента Чалмаева, не добились от В. Белова устранения тех просчётов, которые допущены им при работе над повестью и не настояла на более углублённой разработке всех вопросов, затронутых в «Плотницких рассказах»... Далее Борис Пономарёв говорит в своём письме о технологии подготовки книги Белова, находит оправдания для себя и своих редакторов: «В. Белов с большим опозданием представил рукопись в издательство. Около трёх месяцев она находилась в Росглавиздате на рецензировании. Вернулась рукопись в издательство 27 августа. После доработки автор возвратил её лишь 4 октября 1968 года. Времени было в обрез. Полагаясь на то, что «Плотницкие рассказы» опубликованы в июльском номере журнала «Новый мир», мы не вынесли рукопись после доработки её автором на обсуждение секции художественной литературы редакционного Совета. Я, как директор, поступил неправильно, не прочитав острую рукопись В. Белова вслед за старшим редактором В. К. Лихановой и главным редактором Т. Н. Трескиной... Руководство издательства принимает меры к тому, чтобы повысить личную ответственность редакторов за подготовку рукописей, за идейное содержание и литературное редактирование всех изданий».

После этого случая к изданиям вологжан внимание стало особо пристальным. Справедливыми были претензии к Архангельскому издательству у Ольги Фокиной, Виктора Коротаяева, Леонида Беляева, Николая Рубцова, Александра Романова и других выдающихся вологодских литераторов за задержку сроков выхода книг и почти обязательное контрольное рецензирование в Комитете по печати, но СЗКИ больше не могло позволить себе просчётов в работе и не торопилось работать с рукописями из Вологды...

Неуступчивый автор Василий Белов в своих «Плотницких рассказах» только приступил к детальной и эпической разработке темы вологодской деревни 20-х - 30-х годов прошлого века, которую и довел до блестящего в художественном смысле результата в романах «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый». Как непросто всё это было вначале, автор и пытался показать в этой архивной истории.

тому мы остаёмся на уровне бытового осмысления истории. Лучше уж и не вытаскивать большие имена и конкретно-политические оценки, если нет анализа истории. Беглый тон, спешка, торопливость вредят, они разжигают интерес к трагическим событиям, а ответа - и ответа верного, полного - не дают... Главным содержанием повести Вас. Белова я... считаю сами характеры Олёши, Авинера и др., заключающие в себе всю глубокую любовь автора к деревенскому человеку, к земле, к делам народа во имя Родины. А те немногочисленные и мимолётные иногда построчные обобщения, броские и хлесткие порой оценки Сталина и другой фигуры (таких строк 2-3 на всю повесть) мне кажутся не очень существенными для повести, они легко снимаются... Характеры же Олёши Смоленца и Авинера Козонкова - одно из новых достижений всей нашей прозы... Для меня нет сомнений в том, что по художе-

придерживаться при редактировании рукописи «Плотницкие рассказы» В. Белова»...

Итак, общая оценка книги Чалмаевым положительная, Лиханова довольна тем, что Белов от чего-то отказался, что-то смягчил, работа художника оценена положительно, корректор ударно поработал. Книга получает добро от директора издательства Пономарёва на печать. Она, повторюсь, хорошо встречена читателями, критикой, но вдруг кому-то приходит в голову мысль: а ведь так писать о коллективизации нельзя - авторитет Советской власти может пострадать. И ведь Чалмаев об этом предупреждал...

Повесть написана Василием Беловым в 1968 году, когда культ личности Сталина, ранее осуждённый на 20 съезде партии, стал исподволь вновь укрепляться. Уже нельзя было лить на вождя ушатый грязь и обвинять только его во всех преступлениях. Надо было осторожничать в оценках, во мнениях, в раз-